

	Проект	«Реальная война»
	Цикл передач	«Порождение бездны»
<i>Творческая группа</i> <i>СпецИстория</i>	Материал	Стенограмма ПЯТОГО выпуска

<u>Кургинян</u> <u>Сергей Ервандович</u>	политолог, президент МОФ-ЭТЦ	далее Кургинян
<u>Сенявская</u> <u>Елена Спартаковна</u>	доктор исторических наук, лауреат Госпремии РФ	далее Сенявская
<u>Литвиненко</u> <u>Владимир Аркадьевич</u>	кандидат философских наук, полковник запаса	далее Литвиненко
<u>Рубцов</u> <u>Юрий Викторович</u>	доктор исторических наук, профессор Военного университета МО РФ	далее Рубцов

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Порождение бездны» в рамках проекта «Реальная война». Выпуск пятый.

СТРАННАЯ ВОЙНА

Кургинян: А всё-таки наши вот эти отношения, вот эта Странная война, которую называют «странной» и наши отношения с поляками, что, события могли разворачиваться каким-то способом, что мы могли заступиться за Польшу?

Литвиненко: Ни в коем случае.

Кургинян: Польша сама хотела этого?

Литвиненко: Вы понимаете, вот на передаче «Суд времени» господин Млечин и компания либерально мыслящих историков утверждали, что сослагательное наклонение истории должно иметь право на существование. Ну, давайте на секундочку представим себе, что это так, но с одной оговоркой – не по господину Млечину, а основываясь на конкретных фактах ... То есть получается узкий коридор временной, в котором возможна некоторая событийная развилка. Рассмотрим два события ... Допустим, мы подписали договор не с Риббентропом, не с Германией, а всё-таки каким-то образом заключили конвенцию с Англией и с Францией. И расписали, какое количество дивизий, куда выдвигается, как проходит. Допустим, Румынию бы они зажали. А теперь просто возьмём и посмотрим заголовки польских газет того времени. Сам факт англо-советских переговоров поляки рассматривали, как предательство своих национальных интересов. Это факт. Вот они – польские газеты, это же надо просто взять и посмотреть заголовки. То есть если бы эта конвенция была заключена, где гарантия того, что поляки не договорились бы с немцами с непредсказуемыми последствиями.

Кургинян: С непредсказуемыми в каком смысле?

Литвиненко: С непредсказуемыми ни для кого. То есть с абсолютно непредсказуемыми.

Кургинян: Вы только что говорили о том, что ...

Сенявская: Тем более что ещё в январе 39-го года поляки вели переговоры с Германией и предлагали поучаствовать в войне против СССР совместно с немцами.

Кургинян: Это понятно, это понятно, то есть непредсказуемыми в том смысле, что добавилась бы огромная армия, которая бы там воевала. Но если англичане, а англичане не могли одновременно хотеть уничтожить Польшу и отдать Польшу Гитлеру, значит, у них могла быть какая-то своя ...

Литвиненко: Значит, правильно. Отдавать Польшу Гитлеру они не собирались, они хотели, чтобы Польша была уничтожена. И они этого блестяще добились. Понимаете, дело в том, что при нападении на Польшу, как бы кощунственно это ни звучало, Гитлер практически не нарушил никаких норм международного права. Во-первых, Верхняя Силезия принадлежала Германии, плебисцит не проводился, поляки её аннексировали. Во-вторых, провокации постоянные в Данцигском коридоре и в самом Данциге, вплоть до того, что ... военные столкновения с полицией, то есть гонения, реально поляки там вели себя, ну, по-хамски. Если они хотят налаживать отношения с Германией, ведите себя поприличней. Тем более что Гитлер приехал в Данциг и сказал: «Ребята, ну, не будем мы сейчас воевать с Польшей, потерпите 2 года. Мы решим польский вопрос, но не сейчас» Это был 38-й год. То есть до 40-го года, 41-го он не собирался воевать с Польшей вообще. Поляки форсируют события. Разведка наша, наша разведка докладывает за 4 месяца до того, как вообще начал разрабатываться «План Вейс», что поляки призвали четыре возраста, мобилизовали промышленность. Промышленность работает круглые сутки, созданы три оперативные группы. То есть поляки готовятся к войне с Германией.

Сенявская: Мобилизация – это «казус Бейли».

Кургинян: Да. Да. Это повод к войне.

Литвиненко: Но дело не в этом. Дело даже не в этом. Дело в том, что 25-го числа августа англичане заключают военный договор с Польшей, немцы моментально всё отыгрывают назад. Войска останавливаются, там невероятными усилиями военную машину Германии удалось остановить. Гитлер был, понятно, что он был не самоубийца. Он останавливает войска. 27-го числа посол Гендерсон вручает Гитлеру меморандум Его Величества, в котором в патетических фразах расписано, что неприкосновенность Польши должна быть гарантирована, иначе, что

разразится война, небывалая в истории, но, если Германия согласится на прямые переговоры, Англия обещает своё посредничество в урегулировании всех спорных вопросов. 29-го числа Гитлер даёт письменный ответ на меморандум Британского правительства: Германия согласна на прямые переговоры с Польшей, единственное условие, единственное – в рейх должен прибыть представитель Польши, имеющий право принимать решение. Ответ Польши – всеобщая мобилизация. Извините, но по нормам Версальского мира, – это «казус Бейли». Всеобщую мобилизацию объявили поляки.

Кургинян: Если все силы были мобилизованы и всё прочее, то почему так быстро проиграли?

Литвиненко: Понимаете, это моё мнение. Я могу ошибаться, но всё-таки я дослужился в армии до полковника, был на Высших академических курсах Академии Генерального штаба, меня чему-то учили. И если посмотреть внимательно на карту, то польская группировка наступательная. Они наступать собирались. 16 кавалерийских бригад, по организации каждая из которых равнялась немецкой моторизованной дивизии. Поляки были не так слабы, как об этом принято говорить. Это была очень неплохая армия.

Кургинян: Поляки были готовы одни воевать с Германией?

Литвиненко: Знаете, как ни странно, если бы поляки напали первыми, они бы показали немцам, как это делается. Мало бы немцам не показалось. Это был 39-й год. Это был не тот вермахт, который пришёл с Западной Европы. Это был далеко не тот вермахт.

Кургинян: Всё-таки был шанс, что Франция это поддержит или нет? Или что?

Литвиненко: Был. Поляки надеялись. Никто бы это, естественно, не поддержал.

Кургинян: Поляки не могли выдержать это ...

Литвиненко: Естественно, они бы это не выдержали, немцы бы им надавали, но поляки в принципе – вот этот польский гонор, вера в собственную исключительность (я не знаю, как это ещё назвать) в принципе они были готовы. Все войска были сосредоточены на западной границе. Они были уверены, что мы на них не нападём. На нашей границе практически ничего не было. Они концентрировали войска в 38-м, не желая нас пропускать ... Всё было переброшено на западную границу: 3 оперативные группы ... Договор с Англией: если Германия на нас нападает, союзники нас поддержат, потом смотрите, 3 дня группировка никуда не трогалась. В мемуарах генерала Гётнера пишется: «Продвигаюсь вторые сутки, не встречая сопротивления. Здесь вообще кто-нибудь воевать собирается?» На третий день до поляков дошло, что никакой поддержки не будет. То есть вообще ничего не будет. Они начинают от границы догонять немцев. Пару раз они их догнали. И немцам мало не показалось. Под Кутно они им надавали очень хорошо. Варшаву защищали до последнего. И было много. То есть польским солдатам и офицерам есть чем гордиться. Я ни в коем случае не могу обвинить польских солдат и офицеров, но правительство Польши сдало Польшу. Если польское правительство и командование вооруженными силами на шестой день покидает столицу, – это значит, что 6 дней паковали чемоданы и архивы. Ведь архивы все: государственные, военные, разведывательные были вывезены в полном порядке. Это значит, что 6 дней просто паковали архивы и чемоданы. Никто об обороне не думал. На Западе, на мой взгляд (и я готов это доказывать) никакой реально войны и не было. То есть вообще никакой. Ну, вот посмотрите. «Девятого сентября 10 французских дивизий начали наступление в районе Саарбрюкена. Противник без боя отошёл на основные позиции линии Зигфрида». Линия Зигфрида – это просто окопы и два ряда колючей проволоки. Всё. «Продвинулись на 8-18 километров вглубь немецкой территории. Французские войска

остановились по приказу своего командования. В октябре 1939-го года без боя вернулись на свои позиции». Это Военная энциклопедия. Это факт. Так оно и было. Кроме того, английская авиация регулярно совершала рейды правды. Так называл эту акцию министр авиации Кингсли Вуд. Суть этой акции сводилась к тому, что на германские города вместо бомб сыпались миллионы экземпляров «Письма к немецкому народу». Когда некоторые депутаты парламента Британского потребовали более решительных действий, например, лейборист Хью Дальтон, предложил забросать зажигательными бомбами Шварцвельд (Чёрный лес) ... То есть само по себе, тут из союзника дух вышибают, а он предлагает лес побомбить, чтоб немцы почувствовали запах войны на своей территории. Министр авиации заявил, что сожжение Шварцвельда противоречило Гаагской конвенции. Когда же этот призыв поддержали другие члены парламента (Лё Эмбри потребовал быстрых действий до того, как лес намокнет под осенними дождями), Кингсли Вуд заявляет буквально следующее (я цитирую, это было сказано в Британском парламенте, идёт война с союзником): «О, что Вы, этого делать нельзя! Это частная собственность. Вы ещё от меня потребуете за тем, чтобы я Рур бомбил». Тут по-моему всё ясно.

Кургинян: Да, война странная ...

Литвиненко: Ну, как здесь не вспомнить беседу барона де Роппа с Розенбергом. Всё совпадает. «Странная война» заканчивается. Причём, немцы на глазах у противника (77 дивизий вооружённых, оснащённых, отобилизованных против 33-х дивизий «Ландштурма», то есть что там воевать-то было? Танков не было, все танки в Польше, почти вся авиация в Польше), разворачиваются 123 дивизии полного состава с танками, со всем, – всё это видят французы. Они тоже наращивают усилия. Но самое интересное, что именно в этот момент наращиваются усилия и в Сирии, в Египте. То есть Англия и Франция готовы бомбить нефтеносные

комплексы Баку, потому что мы, видите ли, воюем с Финляндией. Этот план разрабатывался вполне серьёзно. Вроде бы у них было чем заняться – война Германии объявлена. Самое смешное, что эти планы продолжали разрабатываться после 10 мая, когда немцы перешли к активной фазе. За 44 дня вся Европа была под Гитлером. Есть книга такая, она не переведена на русский язык, это «Третий рейх во Второй мировой войне». Там описывается шок немецких генералов. Они не ожидали такой быстрой победы. Они просто не ожидали. Они собирались воевать, ну, годик-полтора и приложить определённые усилия ... Во-первых, как следует отомстить за Версальский мир. Потом перевести дух. А тут 44 дня они получают снаряжение на 60 или 70 дивизий, тяжёлого вооружения, это надо как-то переваривать. Срочно призывается контингент людей, который должен всё это переваривать, всё это утилизировать, всё это складировать, всё это как-то ... В результате, кроме всего прочего, немцы получают гигантское количество техники, нестандартизированной. Это же надо как-то ремонтировать, это гигантские затраты. А продовольствие тает.

Кургинян: Когда мы говорим «точка бифуркации», значит, для тех, кто этого не знает – точка разветвления, когда в пределах некоего процесса возникает несколько возможностей. Или критическая точка – 22 июня. Мы хотим сказать, что в этот момент характер войны меняется резко со всех сторон.

Литвиненко: Со всех сторон, резко и кардинально. Западные союзники, наши будущие союзники ...

Кургинян: И всё, я загрубляю, разумеется, Вашу мысль, я просто сознательно превращаю её в такой, некий комикс или иероглиф. То есть всё, что предшествовало нападению на нас – это есть «Странная война», призванная определённым образом передать противнику как можно больше возможностей.

Литвиненко: При минимуме времени.

Кургинян: Можем ли мы такой же назвать и войну в Лондоне?

Литвиненко: Да, безусловно. Просто я хочу зачитать один документ любопытный. Значит, это беседа Галифакса (лорда Галифакса) и Гитлера. 37-й год.

Из беседы Галифакса, лорда-председателя Совета Великобритании с А. Гитлером (1937): «..возможность достижения путем личного объяснения с фюрером лучшего взаимопонимания между Англией и Германией. Это имело бы величайшее значение не только для обеих стран, но и для всей европейской цивилизации» (Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937-1939 гг. в 2-х томах. М.: Политиздат, 1981. Т.1. С. 34.)

Литвиненко: По словам лорда Галифакса, он перед своим отъездом из Англии разговаривал об этом визите с премьер-министром и английским министром иностранных дел. И они абсолютно согласны ...

Кургинян: Это понятно, 38-й год ...

Литвиненко: 37-й ...

Кургинян: 37-й. Никаких сомнений.

Литвиненко: Важна мысль, сказанная Гитлером.

Кургинян: Вот уже Черчилль, вот операция «Морской лев», вот к этому моменту что происходит.

Литвиненко: Сейчас объясню, сейчас объясню. Итак, Гитлер сказал ...

Из беседы А. Гитлера с Галифаксом, лордом-председателем Совета Великобритании (1937): «Имеются две возможности оформления отношений между народами. Игра свободных сил, которая во многих случаях означала бы активное вмешательство в жизнь народов и могла бы вызвать серьезные потрясения нашей культуры, созданной с таким трудом. Вторая возможность состоит в том, чтобы вместо игры свободных сил допустить господство «высшего разума»; при этом нужно, однако, отдать себе отчет в том, что этот высший разум должен привести примерно к таким же результатам, какие были бы

произведены действием свободных сил ... Оценивая жертвы, которых, несомненно, кое-где может потребовать метод разума, следует представить себе, каковы будут жертвы, если возвратиться к старому методу игры свободных сил. Тогда будет ясно, что первый путь дешевле второго». (Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937-1939 гг. в 2-х томах. М.: Политиздат, 1981. Т.1. С. 36)

Литвиненко: То есть была принята Декларация – метод свободных сил (то есть ваша демократия) меняется методом высшего разума. Британия соглашается с этим в лице лорда Галифакса.

Кургинян: Это 37-й или 38-й. Мне совершенно понятно. Что к 40-му, нет ли бифуркации там? Вот приход Черчилля, ощущение англичанами, что к ним могут высадиться на их территорию.

Литвиненко: Англичане были абсолютно уверены, что никто на их территорию не высадится. Во-первых, у немцев не было ресурсов. Ну, Вы меня извините, при всей воинственности Германии Британский флот имел около тысячи вымпелов только в Атлантике. Ну, какая операция? Ну, мы о чём? 140 кораблей Германии всех классов против полутора тысяч английских, из них 10 – только авианосцев? О чём мы говорим? Какая война? Два часа работы и Берлин ...

Кургинян: Значит, эти бомбардировки – это операция устрашения? Если между ними существует некая договорённость, зачем эти бомбардировки?

Литвиненко: Ну, как? А лётчиков потренировать? Скоро серьёзное дело, а тут английские лётчики неплохо летают, почему бы не поспарринговаться.

Сенявская: Куда падали немецкие бомбы?

Литвиненко: Ни одна бомба не упала ни на один завод, ни на кварталы знати, они бомбили чернь.

Кургинян: Понятно, но что тогда изменил 41-й год?

Литвиненко: 41-й год изменил всё.

Кургинян: Почему в итоге англичане так и не сумели с немцами и прочими договориться о том, чтобы напасть на нас?

Литвиненко: Они не собирались с ними договариваться.

Кургинян: Они хотели баланса этого, да?

Литвиненко: Гитлер – это была одноразовая фигура. Возможно, немцы сами не осознавали своей вторичности. У Британской империи серьёзные интересы. Они вынуждены передать лидерство, видимое лидерство Соединённым Штатам. Можно подумать, что Соединённые Штаты играли первую скрипку во Второй мировой войне, если бы не одна фраза Черчилля после того, как он возвращался из Вашингтона после того, как Америка официально вступила в войну. И один из его сопровождающих лиц сказал: «Сэр, можно было бы и повежливей разговаривать с американским президентом, всё-таки Соединённые Штаты». Он говорит: «Пока мы за этой дамочкой ухаживали, мы так и делали, – мы унижались, униженно заглядывали в глаза. А теперь, когда она в гареме, можно поговорить и иначе». Этой фразой сказано абсолютно всё, – кто там играл первую скрипку. Первую скрипку играли англичане. Им нужно было руками Германии объединить Европу на иных основаниях, создать мощную корпорацию. И, когда это будет сделано, убрать фашистскую Германию и возглавить её. Так именно это они и сделали.

Кургинян: Доказательства ...

Литвиненко: Как это? Ну, вот единая ...

Кургинян: Британия на сегодняшний день уже не является империей. Она страна относительно слабая. Ну, по крайней мере, есть разница между Британской империей перед Второй мировой войной. Нет империи.

Литвиненко: Ну, слабая, не слабая. Ну, нет Британской империи, но есть единая глобальная ...

Кургинян: Черчилль на коленях стоял перед Рузвельтом и просил его не разваливать империю.

Литвиненко: Стоял. Стоял.

Кургинян: Рузвельт уничтожал империю. То есть можно ли сказать, что англичане сознательно сами своими руками уничтожили свою империю?

Литвиненко: А Трумэн перестал её уничтожать.

Кургинян: Ну, уже нечего было. Там уже ничего не осталось.

Литвиненко: Во-первых, нечего было. Уже можно сказать и так – они переформатировали мир, они понимали, что империя рушится.

Кургинян: Но тогда они не дамочку в свой гарем, а они сами зашли в гарем дамочки.

Литвиненко: Ну, вряд ли. И потом посмотрите, как интересно получается – Черчилль проигрывает выборы, выиграв мировую войну. А так вообще бывает?

Кургинян: Ну, как бы говорят, что в демократиях бывает. «Мавр сделал своё дело, – как они говорят, – мавр может уходить».

Литвиненко: Вот по этому поводу очень интересно высказывание антимюнхенцев. Я позволю себе буквально кратенько их процитировать. Для чистоты эксперимента я выписал только высказывания представителей правоконсервативной правящей партии, ну, из самых ярых консерваторов, никаких левых, никого. Итак.

Из статьи В. Литвиненко «Странная война на Западе 1939-1940 г.: военная катастрофа, или ход в «Большой игре?»»: В передовой статье октябрьской книжки 1939 г. консервативного еженедельника «Spectator» отмечалось, что Мюнхенское соглашение имело своим последствием весьма серьёзные перемены в международном положении Европы. Журнал требовал отказа английской дипломатии от дальнейшего поощрения гитлеровской Германии. Обеспечение европейского мира, по мнению журнала, может быть достигнуто совершенно иным путём. Для этого Англии необходимо установить более тесные отношения с Советским Союзом. В течение последних месяцев, заявлял журнал, только СССР

проявлял безупречную честность. «Глупо уничтожать те шансы на сотрудничество с СССР, — заключала передовая статья, — которые ещё имеются». С резкой критикой антисоветских замыслов Чемберлена выступил известный экономист Дж. Кейнс. Статья Кейнса была перепечатана в бюллетене лондонских деловых кругов «Public Ledger». Редакция снабдила её комментариями, в которых обращалось внимание на экономическую и военную мощь Советского Союза. Эта страна, по мнению редакции, могла бы оказать Англии неоценимую помощь. Не остались в стороне от резкой критики политики «умиротворения» и военные круги. Крупный специалист в области военной авиации Чарльтон поместил характерную статью в октябрьском номере журнала «Service Review». Он доказывал, что сведения о германской военной подготовке, преподнесённые английскому общественному мнению в дни Мюнхена, были явно преувеличены. «Политика Гитлера перегоняет рост его военной мощи», — заключал Чарльтон. Очень узнаваемая аналогия. (В. Литвиненко «Странная война на Западе 1939-1940 г.: военная катастрофа, или ход в «Большой игре?», журнал «Обозреватель» №3 2011-07-09)

Литвиненко: Ну, как тут не вспомнить то, что творилось с Ираком у нас на глазах. То есть ничего нового.

Из статьи В. Литвиненко «Странная война на Западе 1939-1940 г.: военная катастрофа, или ход в «Большой игре?»: Итогам Мюнхена была посвящена специальная брошюра, изданная членом Парламента, консерватором Мак-Милланом. «Никакие дополнительные вооружения Англии и Франции, — писал автор, — не могут компенсировать потерю СССР в качестве силы, выступающей на нашей стороне, и утрату нами малых европейских стран. Наша внешняя политика приводит к тому, что мы становимся всё слабее, вместо того чтобы непрерывно увеличивать свою мощь». Ту же мысль развивал и другой член Парламента, консерватор Будби. Выступая в Кембридже, он заявил, что было бы

неразумно пытаться «исключить СССР из европейских дел». (В. Литвиненко «Странная война на Западе 1939 – 1940 г.: военная катастрофа, или ход в «Большой игре?», журнал «Обозреватель» №3 2011-07-09)

Из речи Ллойда Джорджа, произнесенной по радио для Соединенных Штатов 12.11.1938: *«Если руководители наших стран не примут быстрых и решительных мер для установления лучшего взаимного понимания, неизбежно произойдет катастрофическое столкновение... Необходим созыв конференции всех крупных держав для обсуждения наилучших способов обеспечения мира». (Дэвид Ллойд Джордж: премьер-министр Великобритании 1916-1922)*

Литвиненко: Возникает странное чувство. Я спросил у специалистов, занимающихся Англией, дипломатов – а вообще-то может правящая партия вот так оттоптаться на своём премьере? Говорят: «Вообще-то нет». В принципе, корпоративная этика британского истэблишмента это не позволяет. А здесь оттоптались, да ещё как. Я ещё не все высказывания привёл. Война завязана. Воевать должен другой. Приходит Черчилль. Черчилль выиграл войну – игровая комбинация сыграна. Послевоенным миром распоряжаются другие люди и другие силы. Черчилль действительно страдал из-за того, что рушится Британская империя. К власти пришли те, кто не страдал по этому поводу.

Кургинян: Ну, значит, речь шла о демонтаже Британской империи.

Литвиненко: Речь шла о демонтаже и создании чего-то другого. Но, самое интересное то, что это что-то другое создаётся, в общем-то, на основаниях, очень близких к нацистским. Очень близких. Первый признак того, что нацизм никуда не делся – мы сокрушили вермахт, мы сокрушили германские вооружённые силы, которые состояли из вермахта и войск СС – это всё мы сокрушили, но саму идеологию Третьего рейха, саму идеологию нацизма, фашизм, он никуда не делся. И Нюрнбергский процесс, а также последующие двенадцать Нюрнбергских процессов,

которые за этим последовали, наглядно показывают, что политика денацификации – не что иное, как, выражаясь языком плана Маршалла, позитивная реморализация тех, кого можно реморализовать, а кого нельзя – повесить.

Рубцов: Не для оправдания, а для объяснения действий советского руководства, в том числе военного руководства в начальный период войны. Я хотел бы напомнить о том, что прежде чем напасть на СССР фашистская Германия своими вооруженными силами разгромила армии ВОСЬМИ европейских государств, в том числе: Францию – первостепенной военной державы, британский экспедиционный корпус, польскую армию, чешскую армию и ряд других. По существу, были разгромлены вооруженные силы численностью 3,5 миллиона человек, уничтожены или захвачены 19 тысяч орудий, 4,5 тысячи самолетов и 4,5 тысячи танков. Представьте! Причем, сделано это было в диапазоне 1-го сентября 39-го и 22-го июня 41-го года. Это чуть больше того времени, которое Гитлер отводил на осуществление «плана Барбаросса». Но сравните результат! Да. Красная Армия тоже потеряла в приграничных сражениях и последующих сражениях огромное количество боевой техники, живой силы. Но, кто может сказать о том, что СССР был даже на грани того положения в котором, например, оказалась Польша или Франция. Нет. А почему? Потому что, при всех ошибках и просчетах, при всей разнице в выучке и подготовленности, на этом этапе вермахта с одной стороны и Красной Армии с другой. Войска Красной Армии вели ожесточенные сражения! Они сопротивлялись, в отличие от, скажем, французской армии, которую разгромили за 40 дней. Еще одна сторона вопроса. Да, я аккуратно называю эту группу «специалистов» нашими оппонентами, а на самом деле это самые настоящие фальсификаторы ... ну да бог с ними. Они все время педалируют вопросы о наших ошибках, просчетах, преступлениях, потерях, на отступлении Красной Армии, на

«котлах» (которые то и дело нам устраивали гитлеровцы). С какой целью они это делают? Для чего это делается? Я понимаю, что эти вещи надо анализировать, но тогда цель должна быть – извлечь уроки. Да? И посмотреть насколько же такие же уроки извлекало советское военное командование. Научилось ли оно беречь людей? Научилось ли оно воевать? Ход и исход войны (а война пережила три периода, не только ведь был начальный период войны, были и последующие, когда война повернула вспять и пошла на запад) дают основания полагать, что выводы были сделаны. Да, цена ошибок была большой, но какая была альтернатива? Мы, подчас слышим (нас в этом убеждают) раз мы не сумели договориться с Гитлером до войны, значит, надо было искать с ним точки соприкосновения после начала войны. Так какая же была альтернатива? Альтернатива простая – надо было сдаться на милость победителю, так как это сделали те же французы. Но наш народ поступил совсем по-другому. Он сопротивлялся, вероятно, понимая (возможно открыв связь с внутренними ресурсами, с inferнальными областями, когда ставится вопрос – жить или умереть, народ в целом почувствовал), что эта война будет не такая, как скажем война между Германией и Францией или даже между Германией и Польшей. Это будет война на уничтожение и такую войну советский народ предложил гитлеровской Германии – войну на уничтожение. Потому что, не побоюсь быть обвиненным в высокопарности, именно такую войну нам предложили и с той стороны. Поэтому, мы уже видим, что сопротивление гитлеровской оккупации начинается сразу же ... сразу. Вот уже 24 июня, т.е. на третий день войны, зафиксированы донесения командира одной из танковых дивизий Германии, что уже начинают действовать партизаны. Нам часто говорят, что репрессии и повальные расстрелы на фронте, вроде бы мобилизовали это сопротивление. Но я тогда тоже, простите, задам детские вопросы. Какой комиссар, какой особист заставлял человека,

который в июле (т.е. примерно через месяц после начала войны) нацарапал на стене Брестской Крепости штыком – «Умираю, но не сдаюсь». Кто заставлял? А кто заставлял наших летчиков, на подбитых самолетах, жертвовать собой и взрывать тараном вражескую колонну? Это ведь не пропаганда. Наши оппонентам выгодно показывать, что это, извините, «отрыжка» советской пропаганды, что это люди с атрофированным чувством самосохранения способны на такие поступки. Я такие аргументы не принимаю. Для меня это важный показатель того, что народ сам, не зависимо от руководства – поднимался. Народ понял инстинктом, что речь идет, именно о выживаемости. Середины нет. Либо они нас, либо мы их.